

На следующий день по всему жилому кварталу поползли слухи, и главным их источником стала тётушка Ван, соседка семьи Сяо.

— Слыхали? Семья Сяо собирается выгнать Шэнь Юя.

— Ваши сведения устарели. Уже выгнали. Мальчик ушёл той же ночью, ничего с собой не взяв. Бедняга.

— Правда? А как же учёба? Что же с ним теперь будет?

— Кто знает.

— А как же его мать? Лян Фэнся получает несколько десятков юаней, неужели не может обеспечить учёбу сына?

— Так ведь для этого нужно желание. Вы же знаете эту женщину, её пристрастие к своим детям не знает границ. Если бы мы не были в курсе, можно было бы подумать, что это Шэнь Юй — сын Сяо Цзяньшэ от первой жены.

— Ха-ха-ха, что за вздор вы несёте.

— А я думаю, она права. Такой матери я ещё не встречала. Помните недавний скандал? Ребёнок заболел, а она его кормить отказалась, совсем довела парня.

— Вот грех-то. С такой родительницей хуже, чем без неё. Говорят, в семье Сяо его за батрака держали.

— И я так думаю. Зимой, в стужу, он стирал на всех, а они даже горячей воды жалели. Руки у него были сплошь в цыпках. А Сяо Цзясинь, девица здоровая, не стыдится заставлять сводного брата стирать её бельё. Совсем совести нет.

— Бессердечная семейка. Старик Сяо вроде бы человек справедливый, почему же он не вмешивается?

— Вмешивается? Как? Это же не его ребёнок. Не станет же он заставлять своих детей работать ради чужого.

— А по-моему, и он не такой уж справедливый, себе на уме. Будь он человеком здравомыслящим, давно бы приструнил свою жену. Глава семейства же не из тех, кто не может

с ней справиться, — вставила слово одна пронцательная старушка.

Старуха Ван тут же подхватила:

— Точно, в этом-то и дело! Старуха Сяо его слушается больше всех. Эта ведьма вечно скандалит, а старик хоть бы раз вмешался.

Но прежде хозяин дома создал себе слишком хороший образ, и нашлись те, кто вступился за него:

— Он же не может привязать её к поясу и таскать за собой. У этой старухи просто такой отвратительный характер, при чём тут он.

Когда назревал спор, тут же вмешалась нейтрально настроенная женщина:

— Мы говорили о мальчике из семьи Шэнь, с чего вы ссориться начали?

Спорить из-за чужого человека было некрасиво, поэтому обе стороны, выслушав уговоры, сменили тему. Однако безупречный образ, созданный стариком Сяо, уже дал трещину.

Старушка, только что защищавшая его, не унималась:

— Как бы то ни было, в том доме у него хотя бы была крыша над головой.

— Спорный вопрос. Там ему жилось несладко, но как он, школьник, выживет один в городе, без родных и близких?

— Вот именно, трудно ему теперь придётся.

— Эх, мать непутёвая, да и старуха Сяо — та ещё заноза. Жестокая семейка.

— И не говори, злые они, — поспешно согласилась старуха Ван. — Может, это потому, что вчера Шэнь Юй, честный мальчик, раскрыл её попытку навести на меня порчу. Вот она и затаила обиду, решила его выгнать. А мне теперь на душе неспокойно.

Кто-то хихикнул:

— Так заведи его к себе, будет тебе ещё один внук.

Старуха Ван промолчала. Куда там, у неё самой четверо сыновей, своим места не хватает, где

уж чужого ребёнка содержать.

— Ой, у меня вода на плите кипит, я домой, — спохватилась она и убежала. Остальные, поболтав ещё немного, тоже разошлись, переключившись на другие темы.

Причиной того, что эта новость разлетелась повсюду, конечно же, стал блестящий спектакль, устроенный Шэнь Юем.

Услышав вчера такую прекрасную новость, он едва сдержался, чтобы не рассмеяться в голос. С огромным трудом юноше удалось исказить рвущуюся наружу улыбку в гримасу плача.

Он как раз ломал голову над тем, как бы ему разумно отделиться от домочадцев. В конце концов, как бы плохо те к нему ни относились, они вырастили изначального владельца тела.

Если бы он, едва достигнув совершеннолетия, распрощался с ними и тут же зажил хорошей жизнью, что бы о нём подумали люди? Это повредило бы его репутации.

Но если семья Сяо сама выгонит его, это совсем другое дело. Тогда он превратится в несчастную, брошенную сироту, которая, несмотря ни на что, своим трудом добивается успеха. Какая вдохновляющая история!

Шэнь Юй задействовал весь свой актёрский талант. Он рыдал в голос, завывая так, что все соседи открывали окна и двери, чтобы послушать, в чём дело. Он кричал, что не хочет уходить, что не может оставить маму, умолял не выгонять его. Обещал, что больше никогда не посмеет съесть целую миску жидкой каши за раз, будет есть только полмисочки.

Члены семьи Сяо торжествовали. Какое облегчение! Этому маленькому паршивцу наконец-то стало страшно.

Парень поплакал подольше, чтобы все точно знали, что его «вынудили» уйти. Не рассмеяться при этом было невероятно трудно.

Обе стороны подыгрывали друг другу, и обе остались довольны.

Когда хозяева вдоволь насладились представлением, Сяо Цзясинь с злорадством произнесла:

— И не мечтай. Давно хотели тебя выгнать, прихлебатель. Убирайся из нашего дома поскорее.

Что думал при этом Шэнь Юй — неважно, но соседи, прильнувшие к двери снаружи,

прониклись к Сяо Цзясинь крайним презрением.

«Какая же злая эта девчонка, вся в бабушку пошла»

Юноша заметил за окном смутные тени и догадался, что их подслушивают. Он намеренно заговорил умоляющим тоном, подбирая слова так, чтобы распалить эмоции домочадцев.

— Бабушка, я был неправ, я не должен был есть яйцо. Брат прав, всё хорошее в доме — его, я не достоин.

— Я не должен был злиться на Цзясинь из-за украденного ранца. Раз она забрала, значит, так надо. Я правда не говорил однокласснице Юнь, что ранец, который подарила её семья, украли.

— Когда я голоден, нужно просто потерпеть, а не просить у мамы денег на еду.

— Брат Цзяхуэй, когда я в тот раз заболел, я не хотел, чтобы ты меня провожал. Я не думал, что учитель так скажет. Прости, что доставил тебе неприятности.

Каждая фраза была точно в цель. Старуха Сяо и Сяо Цзясинь первыми открыли огонь, осыпая парня яростными оскорблениями.

Лян Фэнся тоже кипела от злости. Лучше бы он не напоминал! Как вспомнит, так сердце кровью обливается. Этот неблагодарный ребёнок перед самым уходом вытянул из неё столько денег за месяц. Не сын, а сущий дьявол!

Сяо Цзяхуэй тоже вспомнил, как из-за Шэнь Юя его отчитал учитель. Он, староста класса, любимчик учителей, — и всё из-за этого вредителя.

В итоге вся семья набросилась на него с руганью. Родная мать не только не защитила сына, но и сама присоединилась к хору обвинителей.

Слова, которые выкрикивали старуха Сяо и Сяо Цзясинь, показались чрезмерными даже слушателям за дверью.

Шэнь Юй терпел, и когда почувствовал, что момент настал, с горечью воскликнул:

— Я знаю, что я вам не родной! Я боюсь съесть лишний кусок, сплю на досках уже несколько лет, делаю всю работу по дому, кроме готовки, — стираю, топлю печь, таскаю уголь, — всё на мне!

— Вы презираете меня, называете прихлебателем, но у меня тоже есть семья! Моего отца зовут

Шэнь Аньминь, у меня есть свои дедушка и бабушка! Это мама настояла на том, чтобы забрать меня в город, обещала мне хорошую жизнь, ха-ха...

Он издал жалкий смешок:

— Это и есть хорошая жизнь? Жизнь раба из старого общества?

От «душевной боли и гнева» он кричал так громко, что его слышали даже соседи через дом.

Лицо главы семейства изменилось. Он хотел было возразить, но подросток перебил его:

— Говорите, что кормили меня, растили, но что я ел? Годами кукурузную кашу и хлеб из муки второго сорта. Белого риса мне никогда не доставалось, да и каши досыта не давали. Я несовершеннолетний, мама привезла меня в город, разве она не должна была меня кормить? Если вы собирались морить меня голодом, зачем было забирать? Оставили бы в деревне, я бы там хоть с голоду не умер!

Фунт кукурузной муки стоил всего девять фэней, а раньше и того дешевле — шесть-семь.

И при этом они даже грубой пищи не давали досыта. А ведь в семье Сяо было трое рабочих. Одна Лян Фэнся получала шестьдесят юаней в месяц — на эти деньги можно было купить сотни фунтов кукурузной муки.

Люди за дверью решили, что это уже слишком. Сравнение с рабством из старого общества было не так уж и далеко от истины.

Старик почувствовал неладное, но в душе кипел от гнева. Он твёрдо решил выгнать Шэнь Юя, и на остальное ему было наплевать.

Мысль, которую он не произнёс вслух, озвучила Сяо Цзясинь:

— Так катись отсюда! Быстро! Катись в свою деревню и не пачкай наш дом!

— Вы презираете крестьян! — тут же определил её слова Шэнь Юй.

— Дереве...

— Цзясинь! — холодно прервал её старик Сяо. Он смотрел на юношу с презрением, отвращением и высокомерным безразличием.

Он до сих пор верил, что Шэнь Юй так себя ведёт, потому что не хочет уходить. Куда же ему

ещё идти? Уйдя от них, он и вправду сможет вернуться только в деревню, а у него даже денег на дорогу нет.

Но реакция подростка превзошла его ожидания.

— Хорошо, я уйду! — с горечью воскликнул тот. — Отдайте мне мою прописку, и я больше никогда не буду пользоваться вашей добротой! Пусть люди говорят, что я, имея живых родителей, живу хуже сироты.

Лян Фэнся на мгновение опешила, а потом взорвалась:

— Ах ты, паршивец, кого ты проклинаешь!

— Ты нарочно, да? — усмехнулся Сяо Цзяньшэ. — Знаешь, что тебе ещё нет восемнадцати, и мы не можем перевести твою прописку, вот и цепляешься, не хочешь уходить.

— Мне скоро день рождения, — ответил Шэнь Юй. — Я приду тогда, и вы переведёте мою прописку. А сейчас я ухожу!

С этими словами он развернулся, распахнул дверь, и в комнату ввалилась куча подслушивающих людей. Шэнь Юй на миг замер, словно от стыда, вытер слёзы и бросился бежать.

Семья Сяо и ввалившиеся соседи ошеломлённо смотрели друг на друга. Присутствующие неловко пробормотали несколько примирительных слов, но хозяева твёрдо решили избавиться от парня.

Старик Сяо кипел от злости. Какой позор! Но раз уж опозорились, оставлять Шэнь Юя было бы ещё большим проигрышем, поэтому он стоял на своём.

Собравшиеся просто для вида попытались их уговорить, никто не хотел по-настоящему вмешиваться. Почувствовав, что неловкость спадает, они поспешили по домам — сплетничать с родными.

А Шэнь Юй, рыдая и прикрывая лицо руками, бежал прочь. Выбежав из жилого квартала, он наконец не выдержал и расхохотался, да так, что согнулся пополам. Ничего не мог с собой поделать, слишком уж хорошо подыграла ему семья Сяо.

Но для случайных прохожих это выглядело как истерика измученного подростка.

Среди группы людей, проходивших мимо, мужчина средних лет в военной шинели нахмурился:

— Чей это ребёнок? Почему так поздно бегают по улице?

Так плакать — должно быть, его сильно обидели.

Юноша рядом с ним проследил за его взглядом, но увидел лишь худую, удаляющуюся спину и безразлично отвернулся.

В этой же группе был и знакомый Шэнь Юя — отец Юнь Байя. Заместитель директора Юнь похлопал по плечу мужчину помоложе:

— Сяо Лю, сходи, спроси, что с мальчиком.

Сяо Лю тут же направился к Шэнь Юю. Тот, услышав шаги, решил, что его догоняют. Ему совсем не хотелось, чтобы его «уговорили» вернуться. Вдруг кто-то из сердобольных соседей начнёт твердить, что мать и сын не должны таить обид, и силой потащит его обратно. Они-то из лучших побуждений, а ему что, драться с ними?

Поэтому Шэнь Юй резко вскочил и бросился бежать. Он мчался с такой скоростью, что компания мужчин даже не успела среагировать, как он уже скрылся из виду.

Сяо Лю, так и не успевший подойти, остался стоять в растерянности. Он молча вернулся и, потеряв нос, доложил:

— Директор Юнь, он убежал.

«Я и сам вижу, я же не слепой», — подумал про себя заместитель директора Юнь.

Мужчина в военной форме усмехнулся:

— Ладно, мальчишки в этом возрасте — дикари. Чуть что не по ним, сразу бунтуют. Прямо как наш.

Юноша рядом с ним тут же недовольно нахмурился:

— При чём тут я...

В этот момент из жилого квартала выбежало ещё несколько человек, которые стали оглядываться по сторонам, явно кого-то ища. Сяо Лю заметил среди них знакомого.

— Директор, это наши, со швейной фабрики.

— Спроси, в чём дело, — велел Юнь Хун.

Сяо Лю окликнул их. Подошедшие люди оказались соседями, которые, беспокоясь, вышли на поиски Шэнь Юя.

— Кадровик Лю, вы не видели тут мальчика? Худенький такой, лет семнадцати-восемнадцати.

Сяо Лю удивился:

— Ему семнадцать-восемнадцать? Не похож.

Он подумал, что мальчику лет четырнадцать-пятнадцать.

— Точно, ему скоро восемнадцать. Вы не видели, куда он побежал?

Сяо Лю указал в ту сторону, куда скрылся юноша:

— Только что сидел вон там, плакал. Я хотел подойти спросить, что случилось, а он как вскочит — и след простыл.

Сосед сокрушённо хлопнул себя по бёдрам:

— Так поздно, куда же он мог пойти? Семья Сяо, конечно, перегнула палку. Не хотят больше о нём заботиться, так хоть бы отцу его в целости и сохранности передали. Зачем так жестоко поступать?

— Вот именно. Шэнь Юй — хороший парень, на этот раз его действительно довели.

— Шэнь Юй? — переспросил, вскинув брови, до этого молчавший высокий худощавый мужчина. — Вы сказали, того мальчика зовут Шэнь Юй?

Его дочь целыми днями только и говорила о том, какой он хороший. Он, как отец, уже начал ревновать. Думал, что это какой-то выдающийся парень, а его, оказывается, так обижают.

— Да, — ответил сосед и, прищурившись, узнал в мужчине своего директора. — Здравствуйте, директор Чэнь, — тут же выпрямился он.

— Здравствуйте. Расскажите, что случилось с тем мальчиком.

Этот жилой комплекс населяли в основном рабочие швейной фабрики. Увидев директора, они

наперебой стали рассказывать обо всех проделках семьи Сяо.

Чэнь Цзэхай и его спутники слушали, хмурясь всё больше. Что за дикость. Сяо Лю не мог поверить:

— Разве бывают такие матери? Наверное, мачеха.

— Была бы мачеха, может, и не дошло бы до такого, — убеждённо заявил один из соседей. — Про их семью весь квартал знает, у кого угодно спросите.

Юнь Хун усмехнулся:

— Я немного в курсе ситуации. Моя дочь недавно упала в воду, и этот молодой человек не раздумывая бросился её спасать. Я ему очень благодарен и специально заходил к ним в дом, чтобы его поблагодарить.

Об этом знало слишком много людей, скрывать было бессмысленно. Поэтому он решил говорить открыто, чтобы показать, что между детьми ничего не было, кроме простого спасения.

Что же до того, зачем он вообще заговорил об этом...

«Семья Сяо ещё смеет на что-то рассчитывать? Этот парень Сяо Цзяхуэй, пользуясь своей смазливой мордашкой, обманывает мою дочь? Он, Юнь Хун, не из тех, кто такое проглотит»

Было уже темно, но после его слов несколько человек узнали его:

— Заместитель директора Юнь!

— Да, вы приходили, мы видели. И с подарками, да ещё какими!

Юнь Хун сдержанно кивнул:

— Я видел, что Шэнь Юй плохо питается, и специально купил ему солодовый молочный экстракт и другие продукты, чтобы он поправился. Почему он всё такой же худой?

— Солодовый молочный экстракт? — презрительно фыркнул один из соседей. Среди них были как искренне сочувствующие, так и те, кто просто был не в ладах с семьёй Сяо. — Они ему даже яйца жалеют. Он, когда болел, от голода съел несколько яиц, так старуха Сяо чуть не убила его.

Это, конечно, было преувеличением. Старуха так и не смогла его ударить, но кричала, что убьёт, и это слышали многие.

— Вот именно! Вы же ему ещё и ранец подарили? Тоже не ему достался, Сяо Цзясинь отобрала.

— Так Шэнь Юю вообще ничего не перепало?

— Конечно! Он до сих пор со своим старым рваным ранцем ходит. Как только Лян Фэнся не стыдно.

Собравшиеся наперебой принялись пересказывать все прегрешения семьи Сяо. Не все хотели говорить о ней плохо, но когда другие уже начали, да ещё и в присутствии начальства, они невольно подхватили. В итоге выходило, что в той семье нет ни одного порядочного человека.

Юнь Хун с горькой усмешкой сказал:

— Значит, я всё сделал неправильно. А ведь хотел отблагодарить мальчика.

Чэнь Цзэхай похлопал его по плечу:

— Ты же из лучших побуждений.

Ситуацию прояснили, но Шэнь Юй уже исчез. Соседи упомянули, что его отец живёт в деревне, а здесь у него никого из родных нет.

К счастью, после облав последних двух лет в городе стало безопаснее, да и в такой холод всякая шпана предпочитала сидеть по домам. За безопасность парня можно было не слишком беспокоиться. Но, с другой стороны, было холодно, а он одет легко. Как бы не замёрз.

Соседи разошлись. Когда они отошли подальше, мужчина в военной форме усмехнулся:

— Старина Чэнь, идеологическая работа на твоём заводе хромает!

Эту семейку он презирал, хотя и понимал, что неродного ребёнка не жалеют. Но вот мать... это уже переходило все границы. Животные и то своих детёнышей защищают, а она — нет. Чэнь Цзэхай лишь беспомощно покачал головой. Он теперь ломал голову, стоит ли рассказывать об этом дочери.

Мужчина в шинели повернулся к сыну:

— Вот, посмотри, как люди живут. А ты родился в рубашке и не ценишь этого.

Юноша закатил глаза. Отец не упускал ни одной возможности его поучить. Впрочем, имя «Шэнь Юй»...

Шэнь Юй. Шэнь Сяо Мао, Шэнь Маоэр... звучит похоже. Но всё-таки «мао» милее. Его отец только что перевёлся на новую должность, дома была суматоха, так что у него ещё не было времени найти ту девчонку.

Хотя, может, это и не тот «юй».

— Как пишется имя Шэнь Юй? — спросил Шао Линъюнь, которого очаровал женский образ Шэнь Юя.

— Кажется, «юй» из поговорки «пусть каждый год будет изобилие», — ответил Юнь Хун. Его дочь говорила, что это «юй» в значении «лишний», но все слова с этим иероглифом, которые приходили ему на ум, имели негативный оттенок, поэтому он решил выразиться так.

«Каждый год будет рыба? Какое совпадение»

На следующий день в школе Шэнь Юя встретили обеспокоенный взгляд соседки по парте и любопытные — других одноклассников.

Чэнь Цзэхай, не желая волновать дочь, рассказал ей о ночном происшествии только утром за завтраком. Чэнь Мэйли, не доев, бросилась в школу. Другие одноклассники узнали новость от тех, кто жил в том же квартале. Прошлой ночью семья Сяо устроила такой скандал, что не слышал его только глухой.

— Тебе отец рассказал? — удивился юноша, не ожидавший, что отец подруги стал свидетелем его ухода.

После побега он, конечно же, отправился в свой дворик. Одолжил доску у семьи Чжао, постельные принадлежности у тётушки Юй, перенёс швейную машинку в комнату Сяо Дуна и соорудил себе кровать в арендованной комнатке.

Честно говоря, здесь было гораздо уютнее, чем в конуре у Сяо. По крайней мере, постель была чистой и тёплой, на доски была настелена толстая соломенная подстилка. И кровать не скрипела при каждом движении, и он не бился головой о потолок.

Изначально Сяо Дун хотел спать с ним, но Шэнь Юй из-за своей ориентации всё же старался

держат дистанцию, в отличие от других парней. Чэнь Мэйли пересказала ему всё, что услышала от отца.

Шэнь Юй весело спросил:

— Отец Юнь Байя правда так сказал?

Насколько же он презирает ту семейку. Смогут ли главные герои после такого быть вместе? Он почему-то сомневался.

— Ты ещё смеёшься! — Чэнь Мэйли надула щёки. — Ты где сейчас живёшь? Почему ты вчера не пришёл ко мне? Я же говорила тебе, где я живу.

Как он мог пойти к ней? Если бы он, парень, пришёл поздно ночью к девушке, что бы о ней стали говорить? Он не мог так подставлять друга. К тому же он не оказался в безвыходной ситуации.

— Я же делал резинки для волос, помнишь? Снял для этого домик. Пока поживу там, — объяснил он.

— Там безопасно? — обеспокоенно спросила соседка по парте.

— Всё хорошо. Хозяева и соседи — прекрасные люди. Гораздо лучше, чем в прежнем доме.

Эти слова немного успокоили девушку, и она порадовалась за него:

— Это хорошо. Раз уж они сами тебя выгнали, надеюсь, больше не будут тебя беспокоить.

Шэнь Юй улыбнулся. Он знал, что Чэнь Мэйли его поймёт. Любой другой, услышав, что его выгнали, пожалел бы его. Никто и не догадывался, как он счастлив.

— Верно, я тоже так думаю, — довольно сказал он.

В этот момент в класс ворвался какой-то парень:

— Слыхали? К нам в класс переводят новенького.